

УДК 316.7

Холиценер Т.

Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке¹

Eastern porosity:
an anthropology of cross-border trade and contact in the Russian Far East

Разрушение Советского Союза превратило российский Дальний Восток в экономическую, национальную и геополитическую пограничную область. Потоки товаров и трудовых мигрантов, в особенности из Китая, создали для местного населения, как новые экономические возможности, так и вызовы. В этой статье рассмотрены запутанные отношения, связывающие товары, миграцию и телесность в пограничной области между российским Дальним Востоком (Приморский край) и северо-восточным Китаем (провинция Хейлунцзян).

Ключевые слова: граница, пограничная область, российский Дальний Восток, северо-восточный Китай, трансграничные отношения.

The breakdown of the Soviet Union has transformed the Russian Far East into an economic, national, and geopolitical borderland. Commodity flows and labor migration, especially from China, have created both economic challenges and opportunities for the local population. This paper investigates the intricate relationships between commodities, migration, and the body in the borderland between the Russian Far East (Primorskii Krai) and northeastern China (Heilongjiang Province).

Key words: border, a borderland, the Russian Far East, northeastern China, transboundary relations.

Введение

История, география и антропология разработали широкий спектр понятий, относящихся к специфическим характеристикам границ и фронтиров. Несмотря на их различную теоретическую направленность, все эти подходы пытались учесть неоднозначность сущности границы как зоны разделения и взаимопроникновения одновременно.

В зависимости от категории товаров или людей, которые пересекают границы, последние обладают различными степенями проницаемости. Эта проницаемость границы может колебаться и изменяться с течением

¹ Данная работа была представлена на английском языке на международной научно-практической конференции "Русская цивилизация в Северной Пасифике" (21 – 22 мая 2009 г., ДВГУ, Владивосток). *Перевод А.А. Киреева.*

времени. Проходимость границы есть функция государственного контроля. Однако, в случае с российским Дальним Востоком, фактическую способность контроля российского государства над его границей с Китаем оценить трудно. С одной стороны, это тщательно контролируемая и демаркированная военная и государственная граница с тысячами миль укрепленных заграждений из рядов колючей проволоки и наблюдательных вышек, следящих друг за другом через зачищенную нейтральную полосу. С другой стороны, внутренняя коррупция среди пограничников и ограниченный безвизовый режим для российских и китайских туристов-торговцев сделали границу довольно легко преодолимой для определенных людей и товаров; нельзя не упомянуть и о трансграничных процессах экологического загрязнения, примером чему служит отравление в 2005 г. реки Сунхуахе (Сунгари) в провинции Цзилинь на северо-востоке Китая, которое подвергло опасности здоровье сотен тысяч как китайских, так и российских граждан.

Однако, граница не только линия разделения, которая обладает различными степенями пористости в зависимости от политических или исторических обстоятельств. Границы также могут простираются порой далеко вглубь стран, которые они разделяют, образуя пограничную область, которая включает население, проживающее вдоль рубежа¹. Я использую здесь понятие пограничной области (borderland), чтобы пространственно выделить законные и незаконные товарные потоки, связанные с местными агентами, которые составляют общество пограничной области и получают прибыль от специфических характеристик границы². Пограничные области фактически могут существовать внутри национальных государств, определенных культурных общностей или городских центров. Это явление можно наблюдать в том числе и на российском Дальнем Востоке. Где же располагается пограничная область на российском Дальнем Востоке? Только вдоль ограждений из колючей проволоки, которые разделяют два национальных государства, или вокруг тысяч китайских торговых киосков, доминирующих на региональных открытых рынках? Или пограничная область расположена в лесах горной цепи Сихотэ-Алиня, где российские браконьеры встречаются с их китайскими посредниками? Я не предлагаю здесь никаких категорических ответов, но скорее хочу представить русско-китайскую пограничную область как многослойную культурную зону с размытыми границами, которая вплетает тела и предметы потребления в определенные сети значений.

Границы разделяют и в то же самое время соединяют людей и предметы потребления друг с другом, часто в очень материальной и телесной форме. Границы – это гибридные объекты. С одной стороны, они представляют собой социальные и культурные конструкции, которые выражены через символические характеристики; с другой стороны, они являются также вполне материальными объектами, включающими в себя предметы потребления, тела и экологические системы³.

¹ Р. Альварес и Г. Коллиер, например, показали в этнографическом исследовании профессиональных культур шоферов, участвующих в дальних грузовых перевозках из северной и южной Мексики, что понятие пограничной области порой необходимо распространять далеко вглубь страны, в данном случае включая в него находящийся в Калифорнии Лос-Анджелес [15, p. 607].

² У. ван Шендель описывает пограничную область "как зону или регион, в рамках которого расположена международная граница, и пограничное сообщество, представляющее собой социальную и культурную систему, существующую поверх этой границы" [28, p. 44].

³ Е. Берглунд показывает в исследовании российско-финской границы, как экологические процессы переплетаются с социальными связями. Материальные отношения по поводу приграничных лесов, т.е. деятельность финских лесозаготовительных компаний

На протяжении всей своей истории российский Дальний Восток и особенно области, непосредственно граничащие с Китаем, были вовлечены в различные трансграничные процессы, движение товаров и мигрантов. У международной торговли в этом регионе есть своя особая экологическая история и преемственность. Больше 150 лет русских и китайцев на российском Дальнем Востоке связывал специфический товарный обмен, в центре которого стояли редкие продукты тайги и моря.

1. Специфическая история Приморья

В конце XIX столетия население Приамурья и Приморья имело сложный этнический состав. Русские поселенцы, китайские торговцы, корейские фермеры, японские парикмахеры, маньчжурские бандиты и охотники-аборигены жили рядом в речных долинах и на покрытых лесом горах морской окраины России.

На рубеже веков китайские торговцы и поселенцы доминировали в экономике региона и установили торговую монополию в отношениях с коренным населением, оставляя мало места для мелкого российского предпринимательства [24, p. 668]. Китайские торговцы играли ведущую роль в региональной экономической жизни, и как поставщики для российских потребителей, и как посредники в продаже продуктов местного производства. Российский этнограф Владимир Арсеньев, хороший знаток региона, утверждал, что "между 1911 и 1917 гг. ни одна российская деревня в Уссурийском крае и Приамурье не существовала без китайской торговой лавки." [16, s. 178]¹. Китайские фермеры были известны тем, что в течение первых лет по вселении добивались большего успеха, чем русские, которые были сравнительно плохо знакомы с областью и ее специфическим климатом. Китайские фермеры обеспечивали продуктами такие устойчиво растущие поселения как Благовещенск, Хабаровск и Владивосток. Регион являлся также главным получателем китайского сельскохозяйственного импорта, включая сою и зерновые, которые доставлялись через быстро растущий порт Владивостока². Кроме того, Уссурийский и Амурский регион представляли собой область неограниченных возможностей для разного рода авантюристов – бандитов и беглецов, сборщиков женьшеня, золотоискателей и контрабандистов спирта [26, p. 79-96].

Сбор растений и добыча животных в кулинарных и лекарственных целях были высокодоходным занятием для многих китайских сезонных рабочих. Арсеньев оценивал ежегодную численность китайских сборщиков женьшеня в Уссурийском крае в начале XX столетия приблизительно в 30 тыс. чел. [1, с. 123]. Вдоль побережья были также очень активны китайские сборщики трепанга. Несмотря на важную роль китайских торговцев в снабжении российских поселенцев необходимыми продуктами, китайская экономическая деятельность в регионе была объектом пристального наблюдения. Например, Арсеньев, много путешествовавший по отдаленным районам края, жестко критиковал эксплуатацию

в российской Карелии, создают социальные связи между защитниками окружающей среды по обе стороны границы. См. [17].

¹ В пределах Уссурийского края, который включал такие города как Владивосток, Хабаровск, Уссурийск и Николаевск, по демографическим подсчетам Арсеньева, основанным на местном муниципальном и полицейском учете, между 1905 и 1910 гг. находилось 130 тыс. китайских торговцев, 200 тыс. сельскохозяйственных рабочих и 15 тыс. охотников и звероловов [16, s. 58].

² Между 1911 и 1917 гг. Россия импортировала из Китая 9 млн. килограмм сои и 17 млн. килограмм зерна. См. [30, p. 70].

местных биоресурсов при участии китайских торговцев¹.

Китайское экономическое преобладание не ограничивалось отдаленной периферией. Город Владивосток играл центральную роль в китайских торговых операциях, и в качестве транспортного узла, и как местонахождение самой крупной в царской России китайской общины, насчитывавшей в начале XX столетия до 20 тыс. чел. [10, с. 301]. Специфическое географическое положение города делало его идеальным торговым центром, который привлекал множество европейских и азиатских торговцев. В 1897 г. приблизительно 40 процентов населения Владивостока являлись иностранцами².

Российский "восточный вопрос" на Дальнем Востоке был "желтым". В начале XX в. российский дискурс о китайских мигрантах был задан двумя обиходными выражениями: "желтая опасность" и "желтый вопрос". Главной проблемой для российских властей являлась экономическая конкуренция, которую создавали китайские рабочие и торговцы. В.В. Граве, официальный представитель российского Министерства иностранных дел, утверждал в своем отчете, что важнейшие занятия (розничная торговля, рыболовство, плотницкое и кузнечное дело, работы в доках) были полностью в руках китайцев, и это составляло "хронический недуг" Владивостока [3, с. 232]. Причины этого "недуга" были для него очевидны: недостаток русского населения, слабость границы и слишком большое количество китайцев. Столь же очевидным было и лекарство: усиленное русское заселение, усовершенствование инфраструктуры, стимулирование российских и европейских инвестиций, повышение безопасности границы и укрепление местных органов власти. Граве завершил свой отчет на пессимистической ноте: "Во время моих путешествий в Амурской области можно было услышать, что все русские разоряются; на вопрос же, кто богатеет, можно было получить обычный ответ: китайцы." [3, с. 235].

Положение китайских торговцев на российском Дальнем Востоке драматическим образом изменилось после революции. Торговые дома были закрыты, а китайская собственность была конфискована. В результате множество китайцев в последующие годы покинули местные города.

2. Современные рынки

Шестьдесят лет спустя китайцы возвратились. С начала 1990-х гг. рынки под открытым небом, где продают широкий ассортимент импортированных из Китая товаров (так называемые "китайские рынки"), появились в городах Приморского края. Хотя здесь есть некоторая доля корейских, центральноазиатских и российских торговцев, китайцы и вьетнамцы доминируют на рынках безусловно.

Распад Советского Союза привел к взрывному росту числа открытых рынков в постсоветских государствах. За этот рост были ответственны несколько факторов. Ослабленный розничный сектор и неэффективная оптовая торговля способствовали появлению альтернативных коммерческих и распределительных стратегий. Неофициальные торговые сети процветали в отсутствии сильных формальных экономических организаций. Для потребителей открытые рынки представляют более дешевую альтернативу обычным магазинам. Например, продукты, про-

¹ Арсенев выражал свою основную мысль в следующих словах: "Зачем выкапывать руду из-под земли, если огромное богатство рассыпано по поверхности, где любому достаточно его просто поднять" [1, с. 121].

² Из 12 577 иностранных жителей, зафиксированных первой российской переписью 1897 г., 167 были европейцами, 9878 – китайцами и 1283 – корейцами. См. [9, с. 223].

даваемые на открытых рынках Владивостока в среднем на 20 – 30 процентов дешевле, чем в продовольственных магазинах города или супермаркетах. В случае Владивостока относительно короткие пути поставки из китайских промышленных центров и оптовых рынков обеспечивают товарообороту особую скорость. В этом смысле, данные рынки выполняют важную функцию в постсоветской экономике.

Опорная сеть открытых рынков – система поставок, основана на специфической форме трансграничного трафика, обычно называемого челночной торговлей. По существу, в России существуют два различных класса челночных торговцев – наемные челноки и свободные челноки. По сравнению с нанятыми челночными торговцами, которые работают как служащие "туристической компании" или оптовых торговцев, работа в качестве независимого челночного торговца подразумевает более высокую степень социальных сетевых навыков. Опыт и широкая сеть личных отношений являются здесь основными факторами долгосрочного успеха.

Антропологические кейс-стади торгового туризма, касающиеся движения продавцов и покупателей в соседние страны под видом туристов, подчеркивают важную роль границ и пограничных областей с точки зрения производства, торговли и потребления¹. Торговый туризм стал значительной частью экономических систем постсоветских государств, снабжая открытые рынки множеством товаров. Владивосток и российский Дальний Восток не являются исключениями. Далекие от того, чтобы быть пассивными игроками в пограничной области, контролируемой китайскими предпринимателями, челночные торговцы вынуждены использовать различные роли и стратегии. Туристы-торговцы должны взаимодействовать с различными социальными и этническими группами, постоянно нарушая, таким образом, групповые границы [23, р. 736]. Случаи неофициальной международной торговли в различных регионах мира демонстрируют сходные примеры высокой гибкости экономических субъектов приграничья. "Практика временного пребывания" в международной торговле является для приграничных жителей различного социального происхождения творческим и стратегическим способом активного использования потенциала границы [27, р. 889].

Международная торговля между Китаем и российским Дальним Востоком характеризуется значительным неофициальным компонентом. Охота на вымирающие виды животных и незаконный сбор растений способствуют процветанию теневой экономики в Приморском крае. Потребители находятся почти исключительно в Китае, китайские посредники играют роль оптовых покупателей, а сбор или охота производятся местными русскими, которые обладают хорошим знанием ландшафта и размещения различных биологических видов.

Несколько биологических видов представляют особый интерес для браконьеров и контрабандистов. Среди прибрежной морской фауны высоким спросом в Китае пользуется трепанг (морской огурец). У сбора морских огурцов в Приморском крае длинная история, которая уходит, по крайней мере, в XIX столетие, когда китайские сезонные рабочие прочесывали мелководные бухты в поисках этого ценного животного. Несколько разновидностей земной фауны также привлекают к себе внимание китайских оптовых дилеров. Амурский тигр ценится главным образом из-за своей шкуры и костей. Почти исчезнувшая к середине XX в. редкая кошка регулярно преследуется в лесах Сихотэ-Алиня браконьерами, которые извлекают ценные части животного для продажи китайским посредникам. Один из наиболее высоко ценимых на черном рынке биоресурсов Приморского края – корень женьшеня. Несмотря на

¹ См., например: [18; 20; 21].

то, что крупные сельскохозяйственные фермы в Китае, Корее и США производят корень для международного лекарственного рынка, дикая форма женьшеня намного более ценна и имеет более высокую стоимость. Большие и старые корни женьшеня имеют самую высокую цену: средний корень может быть продан за 200 долларов, в то время как большие и антропоморфные корни могут легко достигнуть в цене нескольких тысяч долларов¹. Китайские оптовые торговцы на постоянной основе покупают в деревнях Сихотэ-Алиня множество биоресурсов для экспорта в Китай. Покупные цены изменяются, но в любом случае могут обеспечить успешному сборщику значительный доход.

В Приморском крае существуют противоречивые представления о том, какую роль в торговле между Китаем и Россией играет приграничное население. Согласно одной точке зрения, челночные торговцы и браконьеры – это просто невольные помощники китайских посредников, эксплуатирующие национальные ресурсы для личной выгоды. Местное российское население в данном случае предстает как послушная жертва китайского экономического хищничества². В соответствии с другой точкой зрения, браконьеров клеймят как хищнических эксплуататоров российских ресурсов и как преднамеренных сообщников иностранных предпринимателей. Несмотря на незаконную природу этой деятельности и сокращение вымирающих видов, третьи наблюдатели признают, что такое предпринимательство, обеспечивает местное население "минимальным" наличным доходом в неблагоприятной экономической обстановке. Для многих жителей в сельских районах браконьерство является экономической стратегией выживания. Оставшееся в стороне от экономического бума конца 1990-х, охватившего главным образом такие городские центры как Владивосток, сельское население нашло столь желаемую занятость в сером секторе челночной торговли, браконьерстве и контрабанде.

3. "Желтая опасность"?

Миграция китайских торговцев в российские города, растущие, как грибы, открытые рынки, приток иностранных товаров и развитие новых политических структур привели к фундаментальным изменениям в постсоветской России [2]. Хотя экономика региона получила выгоду от китайских торговцев, которые обеспечили остро необходимые поставки продовольствия и товаров народного потребления, трансграничный поток людей, товаров и услуг породил проблемы безопасности и социально-экономическое недовольство со стороны политических элит и местных жителей [14, p. 1]. Общественное и официальное восприятие этих процессов нашло выражение в ссылках на новую "желтую опасность" [25; 29]. Прекращение прироста населения в России, повышение уровня безработицы и эмиграция этнических русских в центральные области Российской Федерации усилили позицию тех, кто считает, что российскому Дальнему Востоку угрожает страшное демографическое давление со стороны Китая.

Китайцы регулярно упоминаются в местных печатных СМИ в

¹ Антропоморфный внешний вид женьшеневого корня оказывает решающее влияние на его ценность. Хорошая, т.е. человекоподобная, форма корня служит выражением могущественного духа и означает его большую силу. Китайское слово, обозначающее женьшень, состоит из двух иероглифов "ren shen" (человеческий женьшень), что предполагает его человекоподобные качества. В то же время, морской огурец – это "hai shen" (морской женьшень). Я благодарен за эту информацию Гарольду Соргу.

² Например, владивостокский журналист в статье об эксплуатации ресурсов Приморского края дает такую резкую оценку роли своих земляков: "Мы, как обычно, играем роль тупых поставщиков сырья" [6].

статьях, которые связывают их с такой преступной деятельностью как браконьерство или незаконная занятость на открытых рынках. Иностранец изображается в них как опасный претендент на чью-либо собственность. Образы голодного соседа, намеревающегося поглотить российский Дальний Восток, предстают как угроза в газетном освещении китайско-российских отношений на протяжении 1990-х гг. Патриотический дискурс в прессе доминирует. Китайцы показаны как аморфная масса, подобная движущемуся рою, готовому поглотить беспомощных хозяев, и метафорически сравниваются с перемещающимися птицами, саранчой или тараканами¹. В свете натурализованных страхов, китайское присутствие на российском Дальнем Востоке выглядит почти как биологический факт неизбежного осмоса. Инциденты с отравлением рек, вызванные китайскими фабриками или китайскими браконьерами, которые таким образом тысячами добывают лягушек, только усиливают подобное восприятие экологической угрозы, вытекающей из самого факта присутствия китайцев на российском Дальнем Востоке².

В дополнение к этому имиджу хищников китайцы воспринимаются как опасные тела, которые способны распространять инфекционные болезни среди российского населения. Газетные статьи постоянно обвиняют китайских мигрантов в распространении болезней или продаже ядовитых предметов потребления³. На китайских мигрантов неоднократно возлагали ответственность за вспышки холеры и других болезней в Приморском крае, а китайскому товарному импорту, включая детские игрушки, посуду и домашнюю утварь, часто приписываются отравляющие свойства. Китайцы, таким образом, осмысливаются как инфекционные тела и загрязнители, которые подвергают опасности организм российского государства. Угроза загрязнения среды и ксенофобские страхи сплавлены в общую боязнь пограничного пространства, наполненного загрязненными (и загрязняющими) телами и предметами потребления⁴.

Важно различить здесь воспринимаемые и реальные угрозы. Едва ли существует какая-либо достоверная информация о величине, структуре и поведении китайского населения в России⁵. Вопреки общественному мнению, экономическая деятельность китайских мигрантов не привела к повышению цен для российских граждан, а в некоторых главных городах (включая Владивосток) даже создала экономические выгоды для местных жителей и правительственных чиновников. В Уссурийске, например, китайский торговый центр стал одним из трех основных источников дохода для местной администрации [13, p. 2].

В последние годы объем антикитайских публикаций в печати Приморского края резко сократился. Эта тенденция параллельна обновлению региональных политических элит, произошедшему в 2001 г. после избрания новым губернатором края Сергея Дарькина, сменившего Евгения Наздратенко, который был известен своими антикитайскими взглядами. На этом политическом уровне экономические стимулы так-

¹ См. например: [4; 8].

² Недавно к китайским браконьерам в Приморском крае был применен термин "экологический терроризм". См. [7].

³ Например: [5].

⁴ С. Хилл обосновала существование сходных ассоциативных связей между восприятием окружающей среды и негативной реакцией на мигрантов в пограничной области между США и Мексикой. См. [22].

⁵ Последняя всероссийская перепись, проведенная в 2002 г., также мало чем может здесь помочь. Согласно данным переписи, в 2002 г. в Приморском крае проживало 3476 китайцев – цифра, которая, безусловно, не отражает современных реалий. См. [12].

же, кажется, перевешивают ксенофобские чувства. Понятие "желтой опасности" постепенно уступает место представлениям о "желтом будущем" [11].

Заключение

Приграничные экономические системы соединяют тела и предметы потребления, как на материальном, так и на концептуальном уровне. Китайские товары и экономическая деятельность формируют местные представления. Опыт взаимодействия местных русских с китайскими мигрантами приобретает через встречи на открытых рынках и регулярные шоп-туры в соседний Китай. Ксенофобия в Приморском крае – продукт пограничного опыта местного населения, полученного как через участие в трансграничной торговле, так и потребление произведенных в Китае товаров. Китайская трудовая миграция на российский Дальний Восток воспринимается как угрожающая захватом земли, населения и ресурсов. Другой, незнакомец, иностранный торговец воспринимаются через предметы потребления, с которыми они связаны. Боязнь иностранного переносится на товары, которые в свою очередь действуют как катализаторы отрицательного отношения к трансграничным потокам. Объекты желания становятся зараженными предметами потребления, которые вредят потребителям или разрушают их. Загрязненные реки, отравленные лягушки и ядовитые овощи способствуют ксенофобскому дискурсу, основанному на самой материальности и телесности трансграничного обмена.

Предметы потребления могут разделять, но они могут также и объединять людей в тесные экономические системы пограничья. Экономические стимулы в форме дешевых потребительских товаров или возможностей участвовать в международной торговле создают основу для понимания и взаимного уважения между гражданами двух стран.

Тела и вещи вплетаются в специфические экономические системы пограничной области в процессе концептуального смешивания, в котором тела овеществляются, а вещи могут приобрести антропоморфные качества. Пограничные области – главные места гибридизации, местоположение множественных идентификаций и изменяющихся форм [19]. В случае русско-китайских пограничных отношений, различные гибриды развиваются на основе жизненно необходимых экономических взаимодействий. Экзотическая флора и фауна региона, их превращение в товары при пересечении границы, а затем их последовательное инкорпорирование в другую систему значений превращает эти товары в высоко ценимые предметы в культурной структуре традиционной китайской медицины. Растения и животные преобразуются в лекарственные предметы потребления для человеческого тела. Ценный дикий женьшень – особенно гибридная форма, товар-как-тело, приобретающий тем большую стоимость, чем больше он напоминает собой человека. Ценность также может быть уменьшена, что имеет место с китайскими предметами потребления, которым приписаны ядовитые свойства (например, предположительно ядовитые пластмассовые игрушки, или загрязненные пестицидами китайские овощи).

Предметы потребления – не единственные вещи, затронутые уникальной средой пограничной области. Сами челноки также превращаются в товар, поскольку выступают в роли транспорта (тело-как-судно). Они приравниваются к стандартному весу 50-ти килограммов товаров в силу того, что их единственным активом является их собственное тело. Разговорные наименования (помогайки, кэмэлы) для трансграничных перевозчиков наглядно показывают эту инструментализацию и овеществление. Тело в данном случае функционирует как временный носитель

предметов потребления или контрабанды в процессе их перемещения.

Товарные потоки и миграция через российско-китайскую границу касаются приграничного населения и приезжих непосредственным и материальным образом. Этот факт выражен в основанных на телесном действиях челноков, так же как в местном восприятии китайских мигрантов и их товаров. Индивидуальное тело – главное средство транспортировки в системе челночной торговли, и телесное осмысление миграционных потоков доминирует в дискурсе об иностранце в российско-китайской пограничной области. Экономический и социальный обмен в дальневосточном регионе, и на концептуальном, и на материальном уровне, размывает границы между вещами и людьми, и в то же самое время тесно связывает экономических субъектов с уникальной географией, флорой и фауной пограничной области.

Литература

1. Арсеньев В.К. Китайцы в Уссурийском крае: Ист.- этногр. очерк. Хабаровск: Типография канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1914. 204 с.
2. Витковская Г., Зайончковская Ж. Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: Надежды и реалии // Витковская Г., Малащенко А. Нетерпимость в России: старые и новые фобии. М.: Московский Карнеги центр, 1999. С. 80-121.
3. Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб.: Типография В.Ф. Киришбаума, 1912. 489 с.
4. Игнатенко Ю. Журавли в Поднебесье // Владивосток. 2003. 25 июля.
5. Кутенких Н. Мясо из Китая заражено ящуром? // Владивосток. 1997. 28 августа.
6. Лосев А. Ореховый пожар // Владивосток. 1998. 11 ноября.
7. Луконина Е. Соседи травят приморцев как тараканов // Владивосток. 2007. 23 января.
8. Ощенко В. Когда уезжают китайцы, отступают морозы... // Владивосток. 2001. 30 января.
9. Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России: Вторая половина XIX – начало XX в. Владивосток: Дальнаука, 2004. 316 с.
10. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1997. 596 с.
11. Ткачев А. Желтое завтра // Золотой Рог. 1997. 27 июля.
12. Федеральная Служба Государственной Статистики. "Итоги всероссийской переписи населения 2002 г.". Национальный состав и владение языками, гражданство. [Сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17> [Дата обращения: 09.06.2006 г.]
13. Alekseev M.A. Are Chinese Migrants at Risk in Primorskii Krai? Monitoring interethnic relations with opinion and event data // Paper presented at the 5th Annual Meeting of the Association for the Study of Nationalities, Columbia University, New York, 13 April 2000.
14. Alekseev M.A. The 'Yellow Peril' Revisited: The impact of Chinese Migration in Primorskii Krai // PONARS (Program on New Approaches to Russian Security Policy Memo Series). 1999. Vol. 94. 4 p.

15. Alvarez R. R. and Collier G. A. *The Long Haul in Mexican Trucking: Traversing the Borderlands of the North and the South* // *American Ethnologist*. 1994. Vol. 21. P. 606-627.
16. Arsenev V. K. *Russen und Chinesen in Ostsibirien*. Berlin: August Scherl, 1926. 228 s.
17. Berglund E. *From Iron Curtain to Timber-Belt: Territory and Materiality at the Finnish –Russian Border* // *Ethnologia Europaea*. 2000. Vol. 30. P. 23-34.
18. Cheater A.P. *Transcending the State? Gender and Borderline Constructions of Citizenship in Zimbabwe* // Wilson T.M. and Hastings D. (eds.) *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 191-214;
19. Gupta A. and Ferguson J. *Beyond "Culture": Space, Identity and the Politics of Difference* // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7. P. 6-23.
20. Hann C. and Beller-Hann I. *Markets, Morality and Modernity in North-East Turkey* // Wilson T.M. and Hastings D. (eds.) *Border Identities: Nation and State at International Frontiers*. New York: Cambridge University Press, 1998. P. 237-262.
21. Hannerz U. *Transnational Connections: Culture, People, Places*. London: Routledge, 1996. 201 p.
22. Hill S. *Purity and Danger on the U.S-Mexico border, 1991-1994* // *South Atlantic Quarterly*. 2006. Vol. 105. P. 777-799.
23. Konstantinov Y., Kressel G.M. and Thuen T. *Outclassed by Former Outcasts: Petty trading in Varna* // *American Ethnologist*. 1998. Vol. 25. P. 762-782.
24. Landgraf D. *Amur, Ussuri, Sachalin: 1847 – 1917*. Neuried: Hieronymus Verlag, 1998. 956 p.
25. Larin V. *Yellow Peril Again? The Chinese and the Russian Far East* // Kotkin S., Wolff D. (eds.) *Rediscovering Russia in Asia: Siberia and the Russian Far East*. London: M.E. Sharpe, 1995. P. 290-301.
26. Lee R.H.G. *The Manchurian Frontier in Ch'ing History*. Cambridge: Harvard University Press, 1970. 229 p.
27. Lin G. and Tse P. *Flexible Sojourning in the Era of Globalization: Cross-Border Population Mobility in the Hong Kong-Guangdong Border Region* // *International Journal of Urban and Regional Research*. 2005. Vol. 29. P. 867-894.
28. Schendel W. Van. *Spaces of Engagement: How Borderlands, Illegal Flows, and Territorial States Interlock* // Van Schendel W. and Abraham I. (eds.) *Illicit Flows and Criminal Things: States, Borders, and the Other Side of Globalization*. Bloomington: Indiana University Press, 2005. P. 38-68.
29. Vitkovskaya G. *Does Chinese Migration Endanger Russian Security?* // *Carnegie Moscow Center Briefing Papers*. 1999. Vol. 8. 3 p.
30. Wishnik E. *Chinese Labour Migrants in the RFE* // Akaha T. and Vassilieva A. (eds.) *Crossing National Borders: Human Migration Issues in Northeast Asia*. Tokyo: United Nations University Press, 2005. 254 p.